

нанца Симеона Кабасилы, священника в том же патриархате, были первыми точными сведениями, успокоившими немецкого ученого насчет существования города; они бросили также первый слабый свет на состояние его памятников и растительную жизнь его народа¹.

Итак, в эпоху самого блестящего просвещения и гениальнейшего художественного творчества Европы был момент, когда само существование города Афин было неизвестнее и сомнительнее, чем в темную эпоху господства византийцев, которая настолько окутана мраком отсутствия истории, что даже в 1835 году один немецкий ученый высказал мнение, что после Юстиниана на месте Афин была в течение четырех столетий необитаемая пустыня. Афины были завоеваны и возвращены сознанию образованной Европы прежде всего наукой, и это завоевание было в XVI веке очень затруднено турецкими войнами и опасностями путешествия в отрезанную от всего мира Аттику.

Сравнительно с изучением города Рима археология Афин запазидала века на два. Первый большой шаг от средневековых римских «Мирабилий» к настоящему описанию города был сделан еще в XV веке гуманистом Флавио Биондо; к XVI столетию относится уже могучее развитие римской археологии. От самих афинян в этом отношении ждать было, конечно, нечего. Греки на Крите и Корфу, другие ученые эллинисты, собранные Альдоом Мануцием в Венеции и преподававшие в греческих гимназиях в Мантуе, Падуе, Риме, в Париже, Женеве, Гейдельберге, посвящали все свои силы филологической критике.

В начале XVII столетия голландец Жан де Мэр своими многочисленными трудами, запечатленными железным прилежанием и поразительной начитанностью, положил основание афинской археологии. К этой двенадцатитомной коллекции должно быть присоединено также сочинение, излагающее историю Афин до турецкого господства.

¹ Крузиус напечатал эти письма в своей знаменитой *Turcograeci*. Lib VII, 10, 18.